

FOCSKER

САГА ОБ АНТИЛОХЕ

Тайны Уробороса

Focsker
Сага об Антилохе.
Тайна Уробороса
Серия «Сборник историй
(Focsker)», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74105257*

Аннотация

История, пережившая смерть, оборвалась так же внезапно, как и началась. А её пепел дал жизнь чему-то новому – чему-то, к чему я был не готов.

Содержит нецензурную лексику

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Focsker

Сага об Антилохе.

Тайна Уробороса – 4

Глава 1

В зале собраний за длинным столом команда без капитана ожидала решения суда. Судьёй выступала Сельвана, присяжной – Милиса. О смертном приговоре или телесном наказании речи идти не могло. Члены команды, в первую очередь Кая, пригрозили расправой любому, кто притронется к её хозяину. Бывалые авантюристки в лице Эрлины и Тайгрис воздержались от высказываний, но и без их слов Милиса и Сельвана понимали: противопоставить «обвиняемым в ереси и укрывательстве одержимого» им было нечего. Этот отряд был способен в одиночку доделать начатое демоном и его приспешниками, остатки которых в виде наг и подчинявшейся им водной нечисти удачно расползлись по залитой вокруг крепости округе. Замок окружён разлившейся рекой, вокруг всё в воде, и в ближайшее время, с крепчавшими холодами, улучшения ситуации не предвиделось.

После сбора, когда все сели за один стол, Гнилая Шестёрка, переглянувшись, уставилась на Милису, угрожающе ожи-

дая вердикта лорда. Не то что Сельвана, но и долгожительница-лиса побаивалась начинать разговор. Тайгрис, набычившись, давила лису своим авторитетом, в то время как помимо неё, сверху, у кровати Антилоха дежурила та, кто в одиночку одолела тролля, а после его воскрешения сделала это ещё раз, но только жёстче, буквально с нажимом умудрившись пролезть тому в глаз и вылезти через затылок с магическим камнем в левой руке. От рассказов солдат, видевших это лично и давших Кае имя Блуждающей в Тени, Милиса только и искала, как побыстрее выпроводить незваных гостей вместе с создающей своим чином проблему Сельваной. В то время как и сама Сельвана, имевшая лёгкую привязанность к мальчишке, не особо рвалась влезать в это дело. Единственное, что её беспокоило, – это то, кем был одержим мальчик. Каким духом – светлым, тёмным? И что произойдёт, когда тот очнётся. Именно страх перед неопознанным будущим пробуждением вынуждал её требовать от Гнилой Шестёрки повиновения и контроля, а те, в свою очередь, не готовые выйти против своего капитана, упирались рогом, отказываясь понимать, насколько ужасающими могли быть последствия в самом плохом исходе событий.

– Извини, Сельвана, – в очередной раз отвергает требование инквизитора заковать Антилоха в кандалы Тайгрис. – Пока я здесь, он останется свободным. И ни ты, ни твои прихвостни его и пальцем не тронете. А рискнёшь... – Тайгрис кладёт руку на меч, пристально смотрит в такие же угрожа-

ющие, готовые сражаться за свои убеждения глаза инквизиторши, – я без колебаний убью тебя и всех, кто за тобой последует.

– Он сожрал камень маны, атаковал вас. Это больше не ваш капитан, – от произнесения очевидного инквизитор испытала неприязнь к самой себе, жалость к мальчику, которую обязана была переступить.

– А это не тебе решать, – подалась вперёд и положила на стол клинки эльфийка. – Если бы он стал тем, кем ты его считаешь, то почему он нас не убил? Почему снял с Каи рабскую метку? Зачем тому, кто, по-твоему, представляет угрозу, делать то, на что не способно большинство из известных нам магов? – Замечание Эрлины резонно, его поддерживает Деструксия.

– Ожоги и увечья на теле Антилоха говорят о силе демона и неспособности его тела использовать весь имеющийся потенциал духовной энергии, – говорит инквизиторша. – В отличие от людей, накапливающих и высвобождающих ману в своих техниках и заклинаниях, верховные духи и демоны могут пропускать через тело духовную энергию, что окружает наш мир. Находясь в человеческом теле, они, используя навыки поглощения и высвобождения прошлой жизни, перенапрягают, сжигают неспособное пропустить такой поток тепла тело. Духовная энергия – страшная вещь. Отец-инквизитор говорил, что у истоков её нет конца и края, а значит, пределом высвобождаемой духом силы может являться толь-

ко его собственное тело. Дух, которого вы считаете благодетелем, тем, кто убил демоницу и её прихвостня, мог сделать это ненароком. Они – древние существа, хитрые, умеющие подкупать не только лживыми словами, но и обещаниями. Откройте глаза! Это существо пробудилось не оттого что захотело помочь. Оно пришло спасти оболочку, свой сосуд, а вместе с ним и тех, кто окружает его, бережёт и растит – вас.

В комнате вновь повисла давящая в груди, неприятная раззуму тишина. Женщины в душе осознавали: Сельвана говорит правильные вещи. Однако все они считали себя авантюристками, солдатами большой дороги, и Антилох, их капитан, был частью этой группы.

– Ответ не изменился, – говорит хмурая Тайгрис.

– Ты не понимаешь! – сжав зубы и кулаки, рычит беспомощная инквизиторша.

– А мне и не нужно, – откинулась на стуле тигрица, догадываясь, что дальше слов сегодня дело не зайдёт. – Он спас вон ту бесполезную лису, убил демонов, не убил меня, помог сокоманднице избавиться от рабской печати, хоть я и не особо этому рада. Короче, ждём, когда вокруг подсохнет земля, и расходимся, как в море корабли. Ты – на восток, за наградой и славой, а мы – на запад, туда, где Антилоху и таким, как мы, самое место.

Вновь игра в гляделки. Понимая, что пока Антилох спит, ничего без крови не изменить, ни о чём не договориться, инквизитор отступает, попросив лишь о возможности на-

ходить рядом и самой контролировать состояние парня. Часть команды согласилась. После завершения ни к чему не приведшего собрания инквизитор сразу отправилась к Антилоху, но ту ждало разочарование. Кая не пустила её, сказав, что обещания других людей несколько не пересекаются с её собственными желаниями и действиями. Она в глаза произнесла, что не считает себя частью Шестёрки, а потому, если Сельвана сделает ещё хоть шаг к ложу «хозяина», она перережет ей глотку.

– Ты ведь уже не рабыня... Ты свободна, – сделав шаг назад, ощущая, что это не пустые угрозы, непонимающе произносит женщина.

Ответа не последовало. Кая захлопнула перед той дверь, а после потребовала от бедной и еле живой Алисии продолжать лечение. Антилох был очень плох – настолько, что мог остаться на всю жизнь калекой. И самым страшным, на чём себя ловила Кая, было не то, что капитан потеряет конечности, а то, что она была бы рада, если бы он, лишённый возможности ходить и заботиться о себе, до конца своих дней остался вынужденным надеяться на помощь находящейся рядом убийцы.

– Как его нога, Алисия? – опасаясь своих эмоций, не зная, какая из них для неё, свободной в выборе, более приемлема, на всякий случай спрашивает куноичи.

– Ходить... да что там, бегать будет! – улыбалась потная, вымокшая от напряжения до трусов девчушка, с синяками

под глазами.

— Ясно, — вздохнув, отказалась от мечтаний, где носит того в туалет, в кровать, где моет и ухаживает за ним Кая. — Скажи, если станет хуже... — Она отвернулась к дверям, села в позу лотоса, положив руки на свои клинки. Так убийца могла прочувствовать нахождение рядом все скрытые и открытые обычному глазу объектов, подготовиться к атаке с любой стороны, а также в случае необходимости применить некоторые свои тайные техники. В прошлый раз, в бою, защищая по приказу Его других, она являлась куклой, утратившей большую часть себя. Увлёкшись второстепенными целями, Кая получила личное оскорбление — плевков от демона, что отсек ногу и руки Антилоху. И пусть тот выжил, пусть теперь являлся одержимым, она собиралась искупить свою вину. Воспоминания инструмента, украденные с новой выданной миссией, вернулись. Имена, занимаемые должности, количество и качество используемых инструментов, похожих на неё, а также место, где всплывали последние её мысли из той, такой чужой и в то же время своей прошлой жизни — жизни, к которой она не вернётся даже под страхом смерти. Кае плевать, кому служить — людям или демонам. Она не боится смерти, не видит разницы между добром и злом, ведь, хоть и является человеком, за содеянное не может считать себя таковым.

«Я — клинок в ножнах господина», — не знающая прелести свободы, каково это жить для себя, Кая решает упрямо сле-

довать за тем, кто, по её мнению, прошлому и теперь настоящему, вернувшемуся, достоин её больше других.

Вечер того же дня. Часовые Лесной Гавани

– Идеальное место для лягушек, да? – приоткрыв дверь к дозорной башни, интересуется северянка, в одной руке которой пропахшее тухлой водой копчёное мясо, во второй – покрывшийся тиной бочонок вина. – Наебенимся, Сара?

Стоявшая в дозоре женщина, пнув ногой кемарившего на шкуре парнишку-оруженосца из новоприбывших с центральных королевств, велит тому подняться, используя как посыльного, отправляет за посудой.

– За что ты с ним так? Красивый ж бля, могла бы и это, ну, пока в дозоре! – похлопав себя между ног, хихикает баба лет пятидесяти. В ответ слышится лишь раздражённый вздох. Естественно, сорокалетняя Сара, что трижды вдова как десяток лет, пыталась, но мальчишка оказался слишком пуглив, а произошедшее ранее так и вовсе лишило того сна на пару дней. Вот только и уснул, а она, хоть и не положено, но дала засранцу время на отдых.

– Восточнее, с болот, третью ночь крики доносятся, – высказывает опасения Сара, игнорируя подругу.

– Да, это все слышали, – с печалью говорит Нора. – Этот ублюдок Антилох, он подписал всем им смертный приговор! Гребанный кусок дерьма. Если бы мы закрыли их в крепости,

если бы оставили во дворе, то...

– То половина бы захлебнулась в речной воде, сидя в подвалах, а вторая мешала бы защищать крепость, – спокойно говорит Сара. – Крепость слишком мала. Но ты права, он тот ещё ублюдок. Как этот ишак посмел только так разговаривать с нашей уважаемой госпожой?! – перенимая из рук соратницы бочонок вина, открыв заглушку зубами, сплюнув её в сторону, делает несколько глотков Сара. Подруга её с лицом, наполненным болью, подходит к зубцам, туда, где треплется пламя едва греющего руки факела. То и дело в ночи мелькают светлячки, как те же лампы, как глаза людей, друзей и родных, которых они сослали на болото.

– Думаешь, наги всех перерезали?

– Нет, – отвечает более опытная, не раз бывавшая на болотах Сара. – Там такие дебри, такая трясина, что даже этим мерзким змеям не проползти, если жабы не дадут. А они не дадут, они нам должны. Единственные, кто может пролезть через это и выйти живыми, – ёбанные авантюристы или святоши, херовы... – сплюнула на землю воительница. – Всё было нормально, покуда они не появились, и демоны эти бледские, и наги. У нас мужиков в крепости из-за этих песен – раз, два и обчёлся, а теперь и вовсе почти не осталось. Детей не с кем делать, а приходят только слюнтяи, уроды или те, кого потом приходится сжигать на погребальном костре.

Женщины вновь выпивают. Разговор заходит за невыносимо суровую в северных краях женскую долю. Они гово-

рят за холодные постели, которые никто не греет, за женские дырки, о которые никто не трётся, и за жизнь серую, унылую, когда даже поорать на пристающего к тебе мужика не получается. Как ни старалась Милиса, север умирал. Население росло, но большинство мужичков умирало, не достигнув и восемнадцати. Это создавало в регионе свои порядки, меняло людей, их нравы, к встрече с которыми оказались особенно неготовы мужчины с юга и востока. Бабы с севера искали, с кем бы потрахаться, а мужик, видя, как к ним самим липнут, вспоминая бордели своих городов, наоборот, отстранялись, боясь подхватить едрёную, как северные комары, заразу.

– Сар... а это чё там такое?! – заметив, как меж деревьев стремительно приближается светлячок, а с ним и звуки омерзительного пения, дёрнула подругу Нора.

При присутствии подруги Сара осмелела, хотела опоить мальчика и может в этот раз получить желаемое. Её рука уже массировала достопримечательности юга, ей не хотелось отпускать мальчика, а тому хотелось тоже самого. Вцепившись в руку дозорной, наклонившись к губам той, пацан получает выставленную, мозолистую ладонь в лицо.

– Долг превыше всего, – проклиная север и подругу, женщина поднимается, смотрит и тут же хватается за горн на своём поясе. – Снизу всадник, да не простой, а маг!

Руками наколдovывая, уплотняя землю под собой, тот

несётся к воротам на бешеной скорости. Но силы человеческие не безграничны. В одной из ям, наполненных водой, поджидал краб. Чувствуя вибрации, как капкан, он пронзил сгрудившуюся над собой песчаную массу мощной полутораметровой клешнёй, откусив кобыле заднюю ногу. Мужчина в чёрном плаще падает в воду, в болота, где воды по пояс, а вокруг кишмя кишит чудовищами. Крепость и стены пришли в движение, загораются огни. До неё остаётся всего метров триста, но сзади уже настигают наги. Как может, маг движется вперёд, в панике колдует песчаный вал, что должен был вытащить его из воды и помочь бежать. Но у врага тоже были маги. Волшебное пение мешает напуганному человеку, борющемуся за свою жизнь, он не может создать заклинание на бегу. Понимая, что не успевает, что до ворот слишком далеко, а враг наступает на пятки, тот хватается за меч, поворачивается к крепости спиной и кричит:

– Я из «Бородячих авантюристов»! Сообщите лорду, люди на болотах живы, но повсюду враги!..

Над небом появляется магический круг, потом второй. При виде которого нападавшие существа в ужасе разворачиваются и начинают бежать в обратном направлении. Столь сильные заклинания паладин видел разве что во время учений, когда их тренировали бороться с магами-еретиками запада и работающими с ними в команде эльфами. Последних тот ненавидел больше всего в жизни, ведь именно длинноухие твари вырезали его деревню, убили семью, оставив си-

ротой умирать от голода.

«Капитан был прав...» – стоя к крепости спиной, едва сдерживал ненависть один из братьев Чёрных Паладинов.

– Эй, мальчишка! – донёсся голос со стены. – Харэ кричать, давай к нам, мы не кусаемся!

Как издевки, доносились женские голоса со стены, отчего ярость внутри мужчины вскипала ещё сильнее. «Жалкие ничтожества, побратавшиеся с животными. Мы ещё посмотрим, кто будет смеяться последним». Мужчина убирает меч в ножны и, зная, что в королевствах его считали красавчиком, показушно закидывает прядь волос за ухо, устремляясь по пояс в воде к воротам. К воротам, которые оказались заперты.

Бабы скидывают ему верёвку, дожидаясь, когда тот взбежёт достаточно высоко, помогают перелезть, а после, глядя на того как на героя, начинают вместе с мужиками-защитниками допрашивать: кто такой, что тут забыл, как выжил и почему один.

– Мой отряд... он застрял на болотах, – В наигранных эмоциях кричит он, а сам приценивается. Один из солдат, охранявших людей вместе с жабами, сообщил о том, что местный лорд и его гости почему-то ждут Чёрных Паладинов. В то же время командир сообщил, что они шли за дьяволопоклонником, умным и хитрым убийцей, который спрятался на краю Севера. Капитан Кастодий предупреждал: если враг узнает, кто они, то разведчика ждёт мгновенная

и тяжкая смерть. – Боже, что там творилось... Повсюду смерть, повсюду люди, нелюди и эти треклятые наги!

Из охнувшей толпы, в которой лишь каждый третий мужчина, парень замечает продирающегося высокого получеловека, парня замечает продирающегося высокого получеловека, женщину в тигриной раскраске. Нутро мага сжалось от этой ауры, от воинственности и взгляда золотистых глаз, пристально следивших за эмоциями на его лице.

– Что за отряд? Какое задание? Как сам выжил? Выжили ли другие? – давила женщина. Будь он не готов к этим вопросам, наверняка прокалывался.

– У нас сильный маг поддержки, в прошлом маг церкви, капитан А+ ранга! – говорит пацан, подавшись вперёд. – Ещё есть другой маг, помимо меня, три женщины-стрелка, двое разведчиков и двое бойцов ближнего боя, так и выжили. Группа застряла на болотах с частью крестьян. Нам нужна помощь такого сильного бойца, как вы! – состроив глазки, почти признав в ней Таран Тайгрис, падкую до мужчин, хватает ту за руку мага.

Тигрица тут же одёрнула кисть, будто её обожгло, и парень усомнился. Может, здесь есть и другие, подобные этому омерзительному животному?! Тут же показалась худая, бледная, с золотыми волосами и омерзительными голубыми глазами убийца-эльфийка, при виде которой челюсть парня сдвинула зубы до хруста.

– Эрлина, какие-то авантюристы... заблудшие, – со скептицизмом говорит Тайгрис.

Эрлина смотрит. Чёрный плащ хорош для побега в ночи, чёрные штаны его дополняют, а тело в каком-то тряпье и ножны на поясе вместе с мечом выглядели дёшево. У эльфийки хватало мотивов подозревать парня в связи с Чёрными Паладинами, но всё это лишь догадки, которые ей только предстояло проверить.

– Пусть в этом разбирается местный лорд. Следуй за мной, пацан... – поманила того рукой эльфийка, повернувшись к гостю спиной.

– Но мои друзья... им нужна помощь, немедленно! – воскликнул тот, желая не дать отряду Антилоха всё обдумать, спланировать или, не дай бог, уличить его во лжи.

– Ну тогда иди и помогай им, – отвернулась от мальчика тигрица. – Сам. – Слова её вызвали бурю недовольства в рядах местных мужчин и солдат-женщин. Посланец быстро смекнул: Гнилая Шестёрка слишком умны, злы и жестоки, нужно использовать других, а именно солдат и лорда!

«Вы ещё у меня попляшете, северные ублюдки. С позволения Отца Кастодия, я лично, посажу ваши головы на пикки!»

Глава 2

Смерть – какая она есть, без продолжения, без света в конце туннеля и обещанной развилки с табличками «Ад» и «Рай». Такой она была для меня: молчаливой и беспросветной. До того как меня разбудило обычное человеческое желание – поссать. Да-да, не ангелы-хранители, не магия, ни даже этот дракон внутри меня. Мне просто захотелось ссать, и я открыл глаза.

– Ахуеть... – потолок незнакомой, но приблизительно известной комнаты, встречает меня своим бревенчатым срубом.

Тело задеревеневшее, затёкшие плечи, ватные руки. А ведь надо встать – не под себя же! Со скрипом меж всеми позвонками, опершись на левую руку, приподнимаюсь. Пальцы едва слушаются. Ебать... пальцы! Вспоминаю, что не так давно, моей руке и ноге выдали командировку далеко от тела, оглядываю себя. Слезы наворачиваются – на месте! Всё приспособили обратно, ещё и ничего не напутали! С души как камень спал. Ещё б чуть-чуть – от радости описался. Но тут на помощь подоспела Кая. Она словно почувствовала мои грязные желания, вытащила из-под кровати ведро, помогла встать, а после, видимо, исполняя свои грязные желания, стояла и смотрела, покуда я делал свои дела. Журчал ручей, бежал ручей, а с ним – на душе счастье, а на ебле улыбка до

самых ушей. Живой! Я точно живой.

– Хозяин, как вы себя чувствуете? – после сделанного дела решает самолично натянуть мои белые кальсоны куноичи, а после помогает сделать первые шаги до стола и стула, где сложенной лежала моя экипировка.

– Лучше всех, – с трудом переставляю ноги. Нужно идти, одеваться и узнать, какого хуя произошло тем днём. Но перед этим... – Как девчата? Раненые есть? Все живы? Сама как? – Куноичи как-то слишком сильно прижалась ко мне, что я локтём в её грудь упёрся.

– Все целы, хозяин. Вам лучше думать о себе.

– Слушай, я же просил тебя не называть меня хозяином. Кая, завязывай, – настроение и так стремительно прет в гору, а она – за старое. – Вот снимем с тебя печать, и не будет у тебя больше права звать меня хозяином! Или ты, может, моё имя забыла? Так не страшно, я с Сельваной тоже му...

– Хозяин Антилох, – она внезапно повернулась, обняла меня, лбом уткнувшись мне в плечо.

Что за детский сад? Ещё и сжимает сильно так... Блин, руки жёсть какие крепкие у неё.

– Всё-всё, хватит этих соплей, лучше помощи одеться, нас ждут великие дела!

И дел оказалось пиздец как много, и пиздец каких великих. Я про потоп подумал, а вот про запасы жратвы, пойма, то, что лошади, запаркованные в местной конюшне, могут по-

лучить гидроудар и, мягко сказать, прийти в негодность... Ну... прощётик небольшой. Ещё была проблемка с тем, что вода не уходит по щелчку пальцев. Наги использовали наводнение как предлог захватить всё, что мы им так удачно водой залили. Ну и болота... Там зрел самый настоящий кошмар.

Разлившаяся по лесу вода открыла для наг доселе неведомые просторы для манёвров. Хотя это и ненадолго, те решили воспользоваться шансом и разбрелись по округе, устраивая охоту на людей. Селедкам помогали крабы, или раки, по описанию куноичи, они выглядели почти идентично с тварями, что обитали в моём мире, с различием в том, что крупная особь могла достигать высоты в метр тридцать, а клешни их были просто гигантскими – до полутора метров – и спокойно перекусывали напополам стальные мечи.

Об этом я узнал от Каи, пока ковылял к большой комнате, где разместились Эрлина с Тайгрис. Когда я проснулся, на дворе стояла поздняя ночь, но стоило только мне приблизиться к их комнате, как в одной ночнушке, с глазками голубыми, мокрыми и сосочками торчащими, из дверей стрелой вылетела эльфийка. Она бросилась на меня, как... как любящая девушка, дождавшаяся из армии парня. От удара о плоскую грудь у меня аж рёбра разболелись.

– Наконец-то ожил, сукин сын! – эльфийка за время моего отдыха стопталась. Или я подросток ещё чуть-чуть. Хотя это не важно.

– Я тоже рад тебя видеть, – обняв в ответ, заметил высо-

чившую в одном напизднике Тайгрис.

Тряся своими огромными сиськами, та обхватывает нас троих, включая Каю, так же сжимает, отчего становится ещё больнее. – Раздавите, бля-я-я-я...

В отличие от других, тигрица, не стесняясь, ослабив хватку, сразу засосала меня – да так, сочно, с языком, не забыв при этом сжать мою ягодицу, весьма нежно для её сильной руки.

Оставшиеся стоять сбоку девки в лице переменились. Кая выглядела задумчиво, а Эрлина словно уже жалела, что встала с кровати – типичная маска ревнивой эльфийки.

– Идём, капитан, мне есть чего тебе рассказать! – чуть ли не вырывает меня из рук поддерживавшей Каи, оставшейся позади вместе с эльфийкой.

Обстановка вокруг менялась очень быстро. Постепенно человеческие маги, оставшиеся в крепости, понемногу расходовали запасы маны, подсушивая почву внутри крепости и вокруг неё. Они буквально сражались за сушу. В то время как на болотах произошло то, чего, по идее, не могло и не должно было произойти. До них – полтора дня пути. Это очень много, даже для такой реки, как та, которую мы чуть-ка расширили. Такого не должно было быть. Не могли наги в столь большом числе уйти в болота жаб и, особенно, победить тех в их же стихии. Об этом ещё до битвы говорили местные, да и история: то, сколько существовали здесь жабы, сколько они там пережили, вплоть до войн с людьми. Войн, в

которых побеждали, используя силу собственную и других, одному северу известных существ. Я не верил в то, что жабы были разбиты, ещё и при этом получившие подкрепление от авантюристов, что не побоялись зайти так далеко на север.

– Что-то не сходится, – сидя за столом напротив голой Тайгрис, с трудом отвожу взгляд от этих карих сосков, медленно вздымающихся и опускающихся в такт тигриного дыхания.

– Вот и я говорю! – аж приподнялась от моих слов, высказанных в поддержку, Тайгрис. – Что-то не сходится! Он меня как увидел, сразу яйца катить начал, а это пиздец как не к добру! Я в этом опытная, Антилох не даст соврать, он знает!

– Да мы все знаем, Тайгрис. Прикройся, – просит Эрлина, но прикрывает грудь тигрицы, накинув той на плечи плащ, именно Кая.

– Значит, вопрос с парнем решён. Считаем врагом, за которым нужно приглядывать, – смотрю на Каю, та – на меня. Мне очень хотелось казаться крутым парнем, и я надеялся, что меня поддержат. Стоя за спиной тигрицы, та стрельнула глазками, одобряя принятие задания по слежке. Умничка.

– Может, сам на него взглянешь? – предложила эльфийка бессмысленное действие. Если мы заперты здесь, то так и так пересечёмся ещё. А встречаться с ним целенаправленно – только воду мутить. Да и не баба он, чтобы с ним встречаться.

– Нет повода. Да и я уверен, если ты с Тайгрис сходитесь

во мнении, то казачок – засланный.

– Казачок? – с улыбкой переспрашивает эльфийка. – Всех нас очень волнует кое-какой вопрос, Антилох. Как бы там ни случилось, мы останемся с тобой и поможем... – Эрлина говорила очень размыто.

– Пройдём вместе этот путь до конца, капитан! – яростно поддержала Тайгрис.

Блять, с таким настроением сейчас в комнату должна зайти толпа ряженных супергероев, сказать, что я «молодцом», а после доктор скажет, что у меня неизлечимая болезнь. Хотя я понимаю, о чём они. Кая рассказала многое: о том, как вырубил девчат, вырубил её, а после упал в руки исцелившей меня Алисии. Впервые Уроборос взял моё тело под полный свой контроль, после чего я неделю провалялся в постели. При этом всё, судя по рассказам, вся битва с моей командой продлилась меньше минуты. Нужно успокоить их, поговорить с инквизиторшей и Милисой, если получится, объяснить всё, пообещав впоследствии, если придётся, даже компенсацию выплатить. Всё-таки я самовольно подорвал плотину, продукты затопил, скот подох... а ещё люди. Какая к черту компенсация может быть человеческим жизням? Если с Сельваной есть о чём поговорить, то вот с Милисой встретиться совершенно не хочу – не придумал, как оправдаться. Наверное, придётся очень много лгать и юлить.

Высказав своё желание встретиться с инквизиторшей, встречаю полное одобрение. С Деструксией и Ирмой, а с ни-

ми Алисией, поговорю позже, пусть отдыхают, этим двум тяжелей других сейчас приходится, а пока она...

Наступил момент истины, проверки, на которую под чутким присмотром моих телохранительниц пригласила готовившаяся к нашей встрече Сельвана. Магический круг, ритуальные хуевины, хуй пойми для какого предназначения, стул в центре круга – будто электрический. Ну и, конечно же, какая-то церковная книга в руке бабы, у которой из одежды – перетянувшие пиздёнку стринги с куском ткани в виде юбки серого цвета да бронелифчик, что без шлеек прятал и поддерживал естественной красоты грудь.

Перед тем как сесть в круг, я обратился к тому, кто внутри меня, предупредил, попробовал как-то наладить связь. Ответа не последовало. Вместо него внутри самой души нечто с холодком и раздражённойостью двинулось. Холодок по телу, от головы, мозга и в самые пятки проползло нечто, словно змея, пытавшаяся спрятаться в глубине пещеры.

Служительница бога Эроса приступила к действию. Став за спиной моей, женщина кладёт одну руку на голову, вторую – на плечо. Ситуация щекотливая. Я волнуюсь, волнуется команда. И так – полчаса в сердитой тишине, в которой я научился чувствовать и слышать, как глубоко и кто именно вздохнул и выдохнул.

– Ничего... – с непониманием, растерянностью, в конце концов произносит Сельвана. – Я ничего не чувствую. Никакого духа внутри. Лишь глубокие раны, боль, терзания, сму-

та внутри души – и более ничего.

– Раны? – спросила эльфийка. – Какие раны?

Встрявшая в терзания инквизиторши эльфийка сунула свой нос туда, где её любопытство могло привести лишь к усугублению ситуации. Я было попытался встать, да только инквизиторша физически и так сильнее меня была, а сейчас – так и вовсе.

– Душевные, – всё же что-то почувствовав, отпускает меня женщина. – Не понимаю, что с тобой происходит, Антилох?

– Хотел бы я знать, – утаив всё, что только можно утаить, поднимаюсь. – Тебя, вряд ли, произошедшее успокоило, но можем жить как и дальше? Оставаясь друзьями, а?

Мой вопрос согнал с красивой, взрослой мордашки непонимание, вызвал улыбку и косой взгляд на мой пах. Напомнив, что друзья друг другу не дрожат, женщина наигранно улыбнулась, проговорила:

– Буду рада, если ты продолжишь считать меня другом, – жму крепкую, умелую женскую руку. – А теперь – аудиенция лорда.

В сердце ёкнуло.

– А может, не надо?

– Надо, Антилох. Надо.

Ковылял я к лисе как приговорённый к расстрелу заключённый. Судорожно перебирая оправдания, коими мог за-

гладить свои косяки, осознаю: оправданий этому пиздецу нет. Только желание перестраховаться, смыть нечисть, которая в конечном итоге так и восстала, но со смертью некроманта потеряла всякую организованность и более того, стала нападать не только на нас, но и на своих союзников. Ещё и удачная оборона, слаженное действие солдат, магов дали отличный результат: на стенах почти никто не погиб, а те, что восстали по приказу некроманта, были быстро умерщвлены дежурными силами инквизиции. Мы были готовы. Потоп как подстраховка. Возможно, мы могли обойтись и без него, и теперь о том, как бы всё пошло, не взорви мы плотину, оставалось лишь догадываться. Правильно ли я поступил? Ответа на этот вопрос у меня нет, и вряд ли в ближайшее время он появится.

Лиса встретила хмурым взглядом исподлобья. Сначала осмотрела меня, потом кинула такой же взгляд на инквизиторшу, явно интересуясь, нашла ли Сельвана во мне следы демона. Получив краткий кивок «нет», лисичка тяжело вздохнула, коротко потребовав:

– Оставьте нас.

Эрлина и Тайгрис выходят. Кая остаётся стоять как вкопанная, глядя на дежуривших внутри вооружённых северянина и северянку.

– Все! – повысила голос лиса, выпроваживая стражу. И я, кивнув куноичи, решаю подыграть.

Ебать, то меня сейчас могут и будут, причём без вазели-

на. Но убивать вряд ли станут. Тяжёлые двери захлопнулись. Кицунэ разочарованно вздохнула, опустив взгляд на мою ногу, оценивая ту, спросила:

– Ты как?

– Жить буду, если не добьёте.

Лиса показала зубы, мой ответ ей пришёлся по вкусу.

– Хотела бы, да не могу. У нас тут чуть до кровопролития с твоими не дошло, пока ты спал, – на удивление спокойно, издалека заходит правительница.

– Ну, вполне разумно. Если бы кто-то из моих оказался в подобной ситуации, я бы тоже не стал стоять в стороне.

Лиса кивает, затем говорит о прибывшем, об отряде наёмников, мол, надо бы узнать, проверить. А я стою и думаю: вот мне сейчас, с моими проблемами, только по болотам среди наг и шныряй.

– Попросите кого другого, я пока на больничном...

– А? А-а-а... – многозначительно протянула лиса. – Я о тебе и не говорю. «Блуждающая в Тенях» способна выполнить это задание в одиночку.

Это она о Кае?

– При всём уважении, лорд Милиса, – склоняю голову, – я не отпущу члена своей команды на столь опасное, в какой-то степени самоубийственное задание. Хрен с ними, с нагами и крабами. Я и моя команда не доверяем пришлому гостю, смею предполагать, что тот – из Чёрных Паладинов, охотящихся за моей головой. Отправить на задание Каю рав-

ноСИЛЬНО отдать друга на растерзание врагу, что наверняка знает о ней всё.

Шерсть лисы стала дыбом. Просьбы закончились, начинаются угрозы.

– Ты смеешь мне отказывать после того, как утопил мою крепость, скот, приказал бросить людей за стенами, словно мешающие тебе вещи?!

Сука, меня аж подкинуло. Она просто ждала момента, чтобы упрекнуть меня, использовав случившееся как рычаг давления.

– При всём уважении, у меня нет власти приказывать вашим людям. Команду отдали вы, лорд Милиса, – склоняю перед той голову и добавляю, – но я согласен с тем, что вина и ответственность за их жизни так же лежит на мне. Мой отряд займётся проверкой, разведкой. Мне самому жаль, что так всё вышло. Потому прошу – прекратите свои попытки давить на меня и подумайте, как мы вместе можем помочь вашим крестьянам.

Милиса, чуть расслабившись, откинулась в кресле. Она изначально добивалась не того, чтобы мы всё сделали сами, а просто сделали хоть что-то. Только манера у неё просить вымораживающая! Как и сама лиса – дикая.

– Сколько человек тебе нужно? – переходит к торгу кичунэ.

– Толпой вопрос здесь не решить, – парирую я, зная, что ресурсы наши, как и скорость перемещения, слишком силь-

но ограничены. – Нужны качественные кадры, подбор отряда согласно рельефу и особенностям локации. У нас – болота и воздействующие на разум мобы. Значит, нужны бафферы, с ними – маги земли, что смогут подготовить место для сражения либо создать временные укрытия. Желательно с магами земли иметь и магов воды-ветра. Водники вытянут влагу из песка, при отточенной командной работе это ускорит возведение баррикад, в бою защитит от размытия. А ветер – он и как оружие, и как просушка. Огневики тоже придутся к месту. К слову, огонь и ветер у нас в отряде есть, но это останется в резерве. Нужна магия земли и вода, плюс баффер, желательно не один, ещё стрелки, – с места, ворочаясь и представляя себе наше построение, начинаю расставлять невидимые фигуры. – В авангарде у нас – Эрлина и Тайгрис. Допустим, тыл прикроет Кая, ей в поддержку – лучника. Потом по паре «воин-стрелок» на левый и правый фланг. Тогда даже в окружении, думаю, мы сможем противостоять нагам. Они сильны, хитры, но «Гнилая Шестёрка» – это вам не типичная команда С-ранга. Сами видели, на что девочки способны. Хотя, я бы ещё подумал, есть ведь и Паладины...

– У тебя же будут маги, зачем тебе столько стрелков? Не проще их заставить творить заклинания? – спросила лиса. Дура, что ли?

– А кто будет за оборону и укрепления отвечать? – спросил в ответ я. – Смогут – помогут, но их роль в первую очередь защитная. Та же Деструксия мне нужна как кувалда,

чтобы в случае необходимости разьебать вражеских бафферов и магов.

– Что за словечки? Я вроде понимаю тебя, но в то же время... на каком это языке?

– На мёртвом... – глядя той в глаза, сурово, почти не соврал.

В этом мире этот язык ещё не рождён, значит, и не жив – мёртв. А звучит же как ахуенно! «Мёртвый язык». И лисица, от слов моих сглотив, хвостом мордашку свою прикрыла...

– М-мёртвый язык? Т-то есть язык д-древних? Откуда ты... как? – и так бледная, а тут ещё сильнее побледнела.

Хе-хе, сука, щас ты мне за всё ответишь.

Ковыляя, подхожу ближе, до первых ступенек, а девку уже подколачивать начинает. Она уже не таращится на меня, а глазками из стороны в сторону стреляет. Вот-вот и закричит: «Стража!» Ладно, не ссы, подруга!

Я опускаюсь на одно колено, как рыцарь склоняю голову, произношу:

– В прошлой жизни я был рыцарем, воином, что сражался с ордами на службе темных сил, вёл в бой отряды великих героев давно ушедшей эпохи. Эти воспоминания открылись мне после того, как я был убит, защищая подобную вам, госпожа Милиса. Мне... – тяжело вздохнув, чувствую, как вот-вот заржу. Я и раньше ведь говорил на сленге геймерском, а сейчас история разваливалась на глазах. – Раньше эти слова приходили на ум сами собой, но смерть... она внес-

ла недостающий пазл, частичку зеркала, и всё сложилось. В прошлом я был воином, отдавшим всё, что было, за даму сердца. Сегодня, взглянув на вас, на вашу чарующую мужское сердце красоту, я вспомнил это, и... – блять, запизделся и забыл, о чём шла речь. Ой, дурак...

– Я...

Милица поднялась с места, быстрым шагом спустилась ко мне, положив руку на плечо.

– Встаньте, сэр, я недостойна этих слов.

А-а-а-а? Я поднимаюсь, глядя в пол, с трудом сдерживая улыбку. Прокатило?!

Руки лисицы кладутся мне на щёки, она держит меня, заставляя поднять взгляд, заглянуть в эти карие, мокрые глаза, румяные щёки и... хвост, гоняющий за спиной девушки из стороны в сторону.

– Я не знала о вашей печальной судьбе, – слеза покатилась по её щёчке.

Я поднял руку, как в кино, смахнул с ту осторожно, нежно, тихо, почти шёпотом ответив:

– Я тоже...

Мы стояли напротив друг друга, смотрели в глаза, и это было так романтично, что я сам начал верить в то, что я – ёбучий рыцарь! А эта доверчивая, вечно злая хищница, лишившись своей кусачей маски, поплыла.

– Может, вы вспомните что-нибудь ещё? Можем обсудить это. Я могу пригласить вас... – от каждого неуверенного сло-

ва, от каждой паузы Милиса краснела всё больше. Мне кажется, я знал, куда она меня хочет пригласить. И если это произойдёт, может случиться беда.

Кладу руки поверх её ладоней, что всё так же на моём лице. Обхватив их своими пальцами, подношу к рту, продолжая играть загадочного рыцаря, целую и говорю:

– Я чувствую, что с вами даже вечности мне было бы мало. Вы так прекрасны и нежны... Но людям нужна наша с вами помощь, принцесса...

Специально оговорился, отпустил руки её словно обессилил от боли в виске. Падаю на колени.

– Что с вами, Антилох?! – падает в след за мной кицунэ. – Целителя! Целителя! – кричит она – Рыцарь, что с вами?

– Я... жалок. Прошу, не говорите моей команде, они не поймут, если вдруг узнают, что Антилох – это...

Лисица чмокнула меня в губы и быстро оторвалась от них, когда ворота открылись.

– Мы с вами непременно вернёмся к этому рассказу, а пока давайте спасём несчастных жителей моих земель! – с дрожью в голосе, вцепившись в меня своими ручонками, пролепетала простушка.

Вкус её сладких губ, доверчивый наивный взгляд и трепет... Хе-хе-хе, да, к этому разговору я определённо хочу вернуться.

– С вашего позволения, – когда Кая помогает подняться

на ноги, театрально ослабев, повиснув на той, вынудив лисицу даже как-то помочь убийце меня перехватить, отправляюсь в свою комнату.

– Антилох?! – перепуганно подбежала Сельвана. – Давай проверю, может...

– Сельвана, подойди! – грубо подозвала ту Милиса. – У нас с тобой впереди долгий разговор.

Голос лисы вновь звучал угрожающе и грозно. Сука, от него меня в холодок бросило. И я очень надеялся, что меня не сдадут прямо сейчас, при первой же возможности!

Глава 3

– И чё и чё? – увлечённо спрашивает Тайгрис, а потом, ухохатываясь, бьёт себя по коленке. – Ну, поверила, да, поверила, а потом чё?! – И вновь на мой ответ хохот. Воительница ржёт, эльфийка держится за головы, в то время как стоящая рядом Кая, как всегда, смотрит и молчит – хер поймёшь, что у той на уме.

Я ничего не придумал лучше, чем признаться во всём своём бреде, и это восприняли неожиданно хорошо. Эрлина похвалила меня, отметив, что мои навыки шута нисколько не ухудшились после ранения. Тайгрис сделала ставку, смогу ли я закадрить лисицу: мол, та тоже звериной крови и обязательно захочет заглянуть в мою постель. Тайгрис возомнила себя экспертом в отношениях между людскими мужчинами и зверодевушками, чуть ли не сватала меня. Обстановка разрядилась, мы общались почти как и до моего ранения, с важной оговоркой – «почти».

Когда проснулась Деструксия, а с ней Алисия, куноичи уже покинула нас, отправившись выполнять мою просьбу. Волшебница хоть и обрадовалась при виде меня, но, как и ранее, выглядела озабоченной, нервной – ей лишь предстояло узнать всё произошедшее, либо дамочка имела собственные дела-проблемки. Из приятного, нового: Алисия таки полностью освоила исцеляющий покров. Теперь она мог-

ла считаться чуть ли не полноценным паладином, а с замечания Тайгрис, если малышка сдаст экзамен в одном из домов мечников, то и вовсе паладином реальным, боевым. Естественно, малая от такой перспективы отказалась, сетуя на то, что её тренировки с оружием ближнего боя нужны исключительно для того, чтобы уметь постоять за себя и защитить товарища. Как это и почему мешало получению ранга палладина – мы так и не поняли. Я просто поздравил её, отметив быстрый рост малой, та, в свою очередь, разулыбавшись, стала навязывать мне своё лечение и осмотры, напоминая об опасности перенапряжения после того как она прихуячила обратно мне руку с ногой.

Наступал момент истины, момент, когда Гнилая Шестёрка, выйдя из тени Валена, начинает действовать самостоятельно и лично начнёт проводить отбор кандидатов на смертельно опасную миссию. С учётом того, что придётся иметь дело с нагами, в отборе кандидатов из простых солдат и ролей типа воина и лучника предпочтение будет отдаваться крепким северянкам, женщинам, имеющим врождённую устойчивость к пению наг. С магами сложнее: троих мы потеряли в замке, из оставшихся на всю крепость имелось два мага поддержки и несколько мелких магов стихией земли, из которых на базовом уровне владения находилось всего двое. Одного бафера и землевика мы обязаны оставить в крепости, дабы не лишить её полностью защиты. То же касалось и атакующих магов – забрав которых, мы сильно ослабляли

оборону Лесной Гавани. Никто ведь не знает, что замышляют наги: может, атака на болота – это отвлекающий манёвр, а в реке их столько, что те и сами могут попытаться пойти на приступ. Разведки нет, информации, подтверждающей или опровергающей это, тоже. Значит, нам остаётся только оценивать себя, собственные силы, готовясь действовать малой мобильной группой. «Мобильная» означало быстрое передвижение, и эльфийка, быстро подметив скорость передвижения наг и нашу, сообщила, что ни о какой мобильности и речи быть не могло. Враг на домашнем поле, потому из «мобильной» группы предстояло сделать ударно-таранную, спланировав маршрут так, чтобы он проходил по максимально высокому рельефу, используя который мы сможем комфортно для себя пройти как можно дальше к болотам. Эрлина объяснила, в первую очередь мне, что это не разведка – мы идём драться, если надо, спасти людей от наг либо же биться с теми, кто, по идее, должен иметь силы, не уступающие нашей группе. Да, паладины – в первую очередь судебная команда, что была обязана воздействовать на нас через аристократию. К счастью, аристократов тут нет. Об этом их командир должен был догадываться, и с его стороны было бы глупо, зная о талантах Шестёрки к убийствам, посылать кого-то заведомо слабее нас. Я допускал, что, уходя сюда на север, те могли прибегнуть к помощи наёмников или ещё кого-то, кто за деньги и мать родную продаст. Высказав это, получил краткое «естественно» от эльфийки, а после – по-

вторное объяснение, почему мы не разведчики, а вышибалы. В этом походе-сражении нам требовались не просто северяне, а инквизиторы, желательно с самой Сельваной. Тогда, при их встрече на болотах, паладины потеряют всякую юридическую силу как отряд, превратятся в мятежников, если ослушаются приказа вышестоящего руководства.

Я попросил Алисию, как человека, в котором инквизиторша заинтересована больше других, отправиться к ней с просьбой присоединиться. Ответ был дан незамедлительно, спустя каких-то пару минут. Сельвана, уже в чёрных стрингах, присоединилась к обсуждению дальнейшей тактики. Приоритетной целью становится обнаружение вражеских групп, далее, используя потенциал магов, – укрепление, подготовка к отражению атаки, игра в обороне, где изначально в битву закладывается численное преимущество врага, что позволит нивелировать имеющееся у них преимущество.

Выход группы планируется на завтра. Тайгрис займётся проверкой физической подготовки воинов, тех, кто выйдет в авангарде, станет нашей первой линией обороны, если маги не успеют подготовить укрепления. Эрлина займётся скаутами, проверит навыки стрелков и их внимательность. Загадочно молчавшая Деструксия развела руками – ей проверять нечего и некого, в отличие от той же Алисии, за которой – зелья исцеления, усиления и... и всё. Что-то явно произошло с волшебницей, ещё на собрании заметил это, ждал

момента, и тут получил удар под дых, выбивший из башки все мысли.

– Антилох, ты останешься в Лесной Гавани, – заявляет ушастая.

– С какого? – возразил я.

– С такого, – ответила та. – Ты едва ходишь.

– Но хожу, – говорю я, надеясь, что за сегодня зелья и Алисия смогут снять с тела часть очень неприятных дебаффов.

– Этого недостаточно. Что произойдёт, если придётся бежать? Прикажешь Тайгрис тебя нести? – не унималась, давила эльфийка.

– Да я и не против, – встряла Тайгрис.

Дилема. По-хорошему, мне действительно стоило остаться, но как быть тогда с Каей? Думаю, она не согласится, не пойдёт с ними, что сильно ослабит всю команду. Мы сильны только вместе, когда работаем сообща, когда все готовы драться, а не как сейчас. Сука, у меня от собственного бессилия, от злости аж челюсть свело. А тут ещё, внезапно, в комнату собраний ворвался белобрысый парнишка, тот, что должен был стать мужем одной из местных «якобы правительниц».

– Жабы... жабы! – запыхано кричал он в лицо нихуя не понимающей Тайгрис. На лице кошки – обида, скалится, затем до неё доходит: – Что жабы?!

– У стен, наших кого-то несут! Быстрее!

Девки подорвались с места. Вот и информация, вот свидетели, вот проводники до болот и мест, где ещё наверняка есть живые, нуждающиеся в нас люди! Одна за другой девки выскакивают из зала собраний, одна лишь Алисия, подскокив, глазами мечется между дверью и мной...

– Что стоишь! Быстро к ним, там могут быть раненые!

Девчонка тут же убегает.

Смотрю на парня, тот на меня. Сука, как же ты вовремя, какой ты... Тот таращится на меня, его дыхание восстановилось мгновенно, рукой закрывает дверь. Взгляд голубых глаз мрачнеет, из-под рукава выскользнул клинок. Между нами стол и дистанция метра четыре – ссыкотно, но я чувствую, ощущаю, волноваться нечего. Тот кидается вперёд, выставляет кинжал, и тут же из тени, отразившейся на столе, возникает Кая. Сильные пальцы левой руки куноичи хватают запястье убийцы, кулаком правой она наносит удар чуть ниже локтя, ломая руку, что белой костью прорезает тонкие одежды не свойственные этим местам. От силы удара у настенной лампы лопнуло стекло, задуло свет. Убийца попытался высвободить запястье, тянет на себя, сильным ударом ноги хочет подсесть, но Кая оказалась в разы быстрее. В прыжке развернувшись на триста шестьдесят, выкрутила убийце руку, въебала тому в грудь, впечатав оторвавшееся от земли тело в стену. Брус затрещал вместе с костями горе-убийцы. Кто это, блять?

Спустя минуту слышится топот, в комнату вбегают та же

Тайгрис, Эрлина, Деструксия, Алисия и ахуевающий белобрисик, тот самый, настоящий, что видит свою копию, осевшую у стену.

— Э... а кто это... а... там жабы... у стен жабы, Антилох... — принёс он новость после того, как убийца, перехватив инициативу, почти добрался до меня. Нихуя себе, шоу двойников бя...

— Это что, маг? — спросил у куноичи, и та качает головой. — А кто? — Убийца пожимает плечами.

— Почувствовала близкую по духу силу и решила проследить, — ответила куноичи, а после, одарив леденящим взглядом моих баб, плечом в плечо толкнула Эрлину, поправив скрывавший губы платок, произнесла: — Бестолочи...

Эрлина ничего не сказала, но бровка у той нервно дёрнулась. Пиздец, я скоро даже в сартире себя перестану безопасно чувствовать.

— Всё ещё хочешь меня оставить в крепости? — уловив момент, задаю вопрос эльфийке, и та, как воды в рот набрав, продолжает молчать. — Тайгрис, на тебе пленник, свяжи, если думаешь, что сбежит, — сломай ноги, а мы пойдём посмотрим, что там с жабами. Нужно разобраться, что за хуйня происходит в этом месте! — Ковыляю к дверям. — Ванадис, хорош тупить, пошли. — Схватил ту за ладонь, потянув за собой, как папочка тянет растерянную дочку с родительского собрания, где ту не ругали, но жёстко осаждали.

Отряд из семи раненых жаб, а с ними пятнадцать малышей и десять молодых девчат возрастом от двенадцати до шестнадцати. Их с боем отбили у самого подступа к стенам. Они пережили страшное, и наги, пытавшиеся их добить, оказались самой светлой частью их истории. Чёрные Паладины во главе с убийцей и маньяком Кастодием пришли на север, пробрались в центр жабьих земель под маской друзей, идущих на помощь северу, а после устроили страшное. Людей, поставленных Милисой для защиты населения, помощи в обороне троп, зарезали со спины, предательски, словно собак, а с ними и большую часть жабьего народа. Насильники и убийцы, сброд, который бы никогда ранее жабы не пропустили в свои болота, под защитой и покровительством сильных бойцов инквизиции, принялись творить настоящие зверства. Пленённых жаб вешали за задние лапы, спускали с них кровь, жгли под ними костры и снимали кожу. Человеческих женщин вместе с дочерьми насиловали, заставляя молодых сыновей смотреть, а после, наигравшись, отправляли в болота, устраивая тир, стреляя в спину убегавшим детям. За отрядом инквизиции на север прибыла маленькая армия, армия, которую жабы могли бы остановить сами, если бы не вера в то, что это друзья. Итог: главное поселение, делянка, где пряталась большая часть людей, завалена трупами. Когда всё началось, после смерти вождя жаб, его многочисленные дети разбились на малые группы: кто мог, пытались спасти подданных Милисы, но в основном все пытались

спасти себя. Старший сын от старосты с отрядом единомышленников смогли мелкими отрядами попрыгать по болотам больше сотни человек. Кто выжил – неизвестно. Их, самый крупный отряд, не сумев запутать следы, незаметно дойти до нужного места, был застигнут врасплох. Если бы не случайная встреча с нагами, их бы всех убили, но судьба подарила шанс. Половина братьев жабы погибла, защищая детей, погибли и старшие мальчики людей, что с деревянными палками пошли на стальные мечи.

Жаба говорила, тем временем его и сородичей подлечивали наши целители, весь двор слушал о произошедшем, не скрывая эмоций, слёз. Мужики и женщины рыдали, а жаба всё говорил, да отвечал на вопросы тех, кто спрашивал его, перечисляя имена родных. Когда тот закончил свой рассказ, с вопросом «Как же так может быть?» он поглядел на Милису. Та искренне, не по-правительски, не как лорд, а как женщина, горько разрыдалась, упав в ноги спасителю. Она извинялась, и от извинений её, отчаяние, горечь с каждым словом, с каждым всхлипом разлетались по всему двору, по стенам и башням. Её слёзы, крик коснулись души каждого, ведь абсолютно каждый, без исключения сегодня потерял бабушку, дедушку, маму, папу, брата или сестру, а с ними – дорогих, близких друзей и партнёров. Произошедшее стало самой ужасной трагедией за всё время существования Лесной Гавани, и ответом на это могло быть только одно.

Спросив, был ли на болотах хоть какой-то отряд аван-

туристов, пытавшихся им помочь, получил категоричное «нет». Никого, кто бы помог, кто бы сжалился или отпустил, хотя бы детей.

– Тайгрис, принеси мне яйца этого урода, пока вместе с ним. – Тигрица отправляется за магом, а я иду к Милисе. Подойдя к извинявшейся перед жабой лисице, сорвал с плеч своих плащ, накинул той на голову, а после, крепко схватив за плечи, с силой и болью в собственном теле отодрал от жабы, стараясь убрать ту прочь, подальше от людских глаз. У лисы истерика, она не контролировала себя, в очередной раз показывая, насколько для неё было важно это место, эти люди и те, с кем она столько лет жила плечом к плечу. Я увёл её, и, чтобы заглушить боль, чтобы направить гнев человеческих сердец в праведное русло, мне предстояло отдать приказ страшный, бесчеловечный, как поступок этих мразей.

Засланца нашли на кухне, где тот вливал в головы кухарок мысль о том, как здорово в центральных королевствах, какие хорошие там люди, какие бывают города и благородные, смелые мужчины, вроде него. Немного поработав с ним, осмотрев, в тайном кармане, вшитом под человеческую плоть, Кая нашла флаконы с ядом, сонным зельем, а также зельями маскировки и перевоплощения – очень дорогими, даже по меркам гильдии. Этот ублюдок по имени Вопс, даже не подозревая, пронёс с собой в крепость, в тени собственного оружия, прятавшегося убийцу. Показушно отрабатывая во дворе выпады меча, заметив двух понравившихся ему пова-

рих, тянувших вёдра с водой, тот оставил меч у входа в крепость, отправился на кухню искать благосклонности у дам. В то же время убийца, оставшийся на улице, услышав, что и кто идёт, что жабы прибыли, сразу всё понял – времени ждать больше не было. Зная о важности белобрысика, выбежавшего на улицу, тенью убийца просочился в крепость, скопировав образ рыцаря, кинулся бегом к нам. Дальше всё как по маслу. Вот только его чуйка подвела: он не заметил Каю, а та, как только он вынырнул из тени, сразу срисовала знакомый выплеск магии, раскусила ублюдка ещё на подходе, сама стала его тенью. Как итог: один – мёртвый, в результате неудачи в миссии, сработала обновлённая печать, не позволившая даже попытаться разговорить засранца. Ну а второй... Он кричал, скулил, заявлял, что ничего не знал, до того момента, пока того не выволокли на улицу. Там Эрлина пересказала всё им известное. Служанки, коим этот уродец успел присесть на уши, заплакали, а ублюдок, до которого дошло, лишь выругался. Он понял, что будет дальше, и, в отличие от убийцы, оказался не настолько везучим.

Наша команда берет его в оборот, уводит обратно в замок, пряча все приготовления. Пока из каждого угла, из каждой комнатки местные тянули доски, палки, сухой хворост, что мог быть полезен, допросом парня занялась Кая. При нас она чётко представилась, а я заявил:

– Расскажи, что знаешь, и тогда, обещаю, тебя за содеянное отдадут на суд, и судить будут не по местным законам, а

по законам церкви, далеко-далеко отсюда.

– Поклянись! – нагло, опасаясь всех вокруг, но не меня, потребовал засранец.

– Клянусь, – ответил я, и тот робко улыбнулся, соловьём запел, ответил на все вопросы, рассказал обо всех, кто был в паладинах, о наёмниках, которых буквально нашли в лесу, что говорило об их разбойничьей натуре, которую потом, после задания, планировалось истребить. Их дружная компашка стояла друг друга, и этот выродок, пришедший нас поторопить, потерпев неудачу, резко переключился на местных, пытаясь найти тех, кого сможет подбить на мятеж и помощь изнутри крепости, если будет осада. С теми, бы кто помог, после разобрались бы точно так же, как и с нами. Паладинам работавшим на Гильдию убийц, как и раньше, нужен я, хорошо, если живой, но голова тоже подойдёт, а ещё – голова Каи. Теперь она тоже в списке приоритетных целей, но, в отличие от меня, её это известие несколько не разволновало. Просто очередной факт, озвученный перед тем, как я спросил:

– Это всё, что ты можешь нам сказать? – Парень, ожидая финала, кивнул, смотрит на меня, я – на девок. Ответа на вопрос, почему меня ищут, не было, он – простая шестёрка. У баб тоже к этому интерес пропал – всё, что нужно, включая, где может и будет ждать засада, мы знаем. А это значит... – Тащите его во двор...

– Что... Стой, подожди, зачем, эй?! – орёт тот, и в следующую секунду получает удар кулаком в еблет от Тайгрис. Па-

цан поплыл, тигрица прихватила того за ногу и, как мешок, потянула по полу. От удара у того вывернуло нос, рассекло бровь, болезненно, с земли тот прохрипел:

– Ты же поклялся... Ты соврал...

– И мне очень за это стыдно... – глядя на пол, на оставляемый кровавый след, честно ответил я.

Глава 4

Мы сидели с лисой в одной комнате, слыша, как за окном горит человек. Его проклятия, вопли, крик влияли на нас по-разному. Лисица то и дело вздрагивала, оглядываясь, будто вот-вот что-то случится. Но ничего не происходило. Совсем ничего. Лишь вопль становился сначала громче, а затем тише, и тише, и тише... пока не превратился в хрип, что растворился в распространяющейся по округе дымке.

– Я проиграла? – спросила женщина. Та, что столетиями держалась, правила, и теперь, выплакав всё, на что была способна, вспоминала, как при всех пала на колени. Как перед простым воином потеряла самообладание. Как извинялась, позорилась пред всеми. Милиса задала самый волнующий её вопрос, ведь до неё дошло: то, что было там, – это не просто извинения, не сожаления. Слезы – это слабость. И она проявила её как правитель, как командующая. Теперь резко встал вопрос: а сможет ли она что-либо сделать с этой ситуацией, изменить её в лучшую сторону или, наоборот, решением своим обречь всех нас на смерть?

Я не ебу, что на такое ответить. Я не правитель, не психолог, и, будь моя воля, из задницы, подобной этой, старый я, спрятав лицо, сказав «упс», сбежал бы. Клоун, или как меня называла Эрлина, – шут поступил бы именно так, спасая шкуру, не рискуя, не сражаясь. Шут поступил бы именно так,

но меня заебало ассоциировать себя с шутом. Взявшись за запястье Милисы, кладу пальцы на её виднеющиеся вены.

– Пульс есть, сердце бьётся – хули нос повесила? Живая же, а значит, можешь этому пидарасу голову оторвать и в шею насрать.

Лиса моей жёсткости и юмора не оценила. Хотя какой тут, к чёрту, юмор? Мы сидим секунды, а они перерастают в минуты. Вскоре перестал быть слышен и треск костра, и лёгкий гул толпы, желавшей выродку поскорее оказаться в мире мёртвых, да на костре что пожарче и поярче.

– Антилох, я не понимаю вас, людей. У нас ведь нет ничего, мы ничего никому не доказываем, ни к кому не лезем, сами разбираемся и живём со своими проблемами. Так почему... почему они все к нам лезут?! Мы ведь не делаем ничего плохого. Жить, давать жизнь другим и быть счастливыми вместе со своим народом – это ведь такая мелочь, это так просто, это всё, чего я хочу. Так почему?

Милиса, сама того не понимая, назвала все причины, по которым соседи никогда и ни при каких условиях не дадут ей править таким способом.

– Потому что в этом и заключается сила. Ваша индивидуальность. – Кладу руку той на плечо. – И из-за того, что вы самостоятельные, что всё у вас есть, что не зависите от других, не позволяя себя контролировать, – вас будут давить. Милиса, если бы шёл разговор о простой команде, об авантюристах и их уставах, я бы сказал: вы идеальный ка-

питан. Но тут немного другое. Тут мало делить действия на хорошие и плохие. Это политика, и, как мне кажется, термин «хорошо» и «плохо» в ней нужно заменить на «выгодно» и «невыгодно». Поверьте, я знаю: миром правят лицемерные мрази, подонки и безжалостные убийцы. Они правят нами так же, как фермер правит своей фермой, управляет скотом, закладывая на год падёж и рождаемость. Так политики, правители, без иронии, без особого сострадания, глядят и должны глядеть на свой народ. Жестоко и цинично, откинув чувства, видя в нас не личности, а работоспособный ресурс. Первый враг ваш – это не тот, который на границе империй или за королевствами, а тот, кто рядом, кто вроде как союзник, но при этом союзник, чьих намерений никто не знает. Север велик, опасен и жесток, все королевства знают это, и тут появляется сила, способная всем этим управлять, жить там, где начинаются ночные кошмары других. На такое способен лишь сильный правитель, и что-то подобное рано или поздно бы произошло. Пусть не с инквизицией, с кем-то другим. Когда тайное стало явным, соседи обратили бы на вас свой взор. Ведь сегодня вы сильная и независимая, да и попросту красивая девушка, а завтра что?! Демон, отказавшийся от человеческого облика, владеющий всеми необходимыми ресурсами для защиты, ещё и правительница крепости, с которой так удобно начать мятеж, наступление в сторону людских земель!

– Я бы никогда!..

– Вы можете стать врагом! – в ответ на то, что перебили, заявляю я.

– Каким врагом, какими соседями, Антилох?! Здесь нет разумных на дни пути во все стороны. Кроме наших земель, от нас, куда ни посмотри, повсюду тьма...

– Это не важно. Рано или поздно людей станет больше, появятся новые лорды, новые поселения, новые авантюристы. – перебил лису. – Знаете поговорку: у страха глаза велики? Так вот, если заставить человека бояться, ему и враг не понадобится – он сам его выдумает. И здесь под определение «враг» «хвостатая полукровка», взявшая под контроль простых аристократов с недоказанной родословной, обладающая даром к долгой жизни, подойдёт как нельзя кстати.

– Хочешь сказать, что мне нужно исчезнуть? Что мой народ должен строить из себя жертв, что они должны умирать от чудищ, голодать лишь ради того, чтобы власть имущие могли поверить в то, что мы люди, что не враги? Пока я жива, пока я правлю севером, я не позволю своим людямдохнуть с голода, как это принято у вас!

– У нас? – Это заявление задело. В первую очередь её. – У кого – у вас? Я не правитель, а простой авантюрист, случайно оказавшийся на севере. Лично мне даже муху, жужжащую над ухом, убивать жалко. И не нужно срываться на меня. Вспомните, кто вы и кто перед вами. Направьте свой гнев в нужное русло, лорд Милиса.

Лиса, та, что недавно рыдала, казалась беззащитной и сла-

бой, – воспряла духом. Не жалость, а гнев помогли ей вспомнить то, кто она, а вместе с этим понять, ради чего всё делается, за что она боролась, борется и за что ей ещё предстоит побороться. На фоне её осмысления, того, как менялось личико дамочки, на дворе полностью стемнело. Понимание собственных желаний, принятие факта неизбежно наступившего сурового будущего – всё это я видел в лице хвостатой.

– Ваш враг сгорел заживо. Один из них. Отпразднуйте это или продолжайте дальше лить слёзы. Завтра придётся дать ответ, и если он не понравится инквизиции, вашему народу, видевшему слабость правителя, – завтра вас могут снять с должности. Освободив от терзаний совести, тяжести принятия решений, на которые вы не способны... – Говорил непривычно жёстко и грубо, заставив лису вновь оскалиться, выпустить эмоции, в которых читалось: «Как ты, сука, смеешь так со мной говорить, ничтожество!» Отлично. Этого я и добивался. Склонил голову, попрощался и вышел, отправившись на улицу, рассматривая то, что осталось от предателя, от выроodka, пришедшего ударить в спину.

Его брань, проклятия, которыми он осыпал нас и весь неповинный народ севера, – всё это сгорело с первым языком пламени, коснувшимся его ног. Дальше слышались мольбы, наполненные пустыми обещаниями, горевшими вместе с его одеждой, кожей и иссыхавшими на ней слезами. Тогда я говорил с Милисой, не видел всего, но чувствовал это. Он умирал долго и мучительно, а я не видел, но видели и смотрели

те, кому предстояло взяться за оружие, отомстить за тех, чья участь была немногим лучше участи этого уroda. Он пришёл не как солдат. Он пришёл как саботажник, как тот, кто хотел обмануть, убить, а после – предать тех, чьё доверие, на потеху себе и своему командиру, предал. Пугало, а не человек. Он сгорел, а я, нисколько не испытывая к нему жалости или сострадания, – только холод. Холод и тихую, методично пульсирующую в артериях ярость. Так должно было случиться, и так будет со всеми, кто только посмеет тронуть меня и мою команду. В какой-то степени я могу попытаться обмануть себя, сказав, что плевал я на других, что собираюсь на болота исключительно ради себя самого. Но хуйня всё это. Я так зол, что даже обмануть себя и свои эмоции не в силах.

– Впервые вижу тебя таким, Антилох, – говорит Эрлина, стоящая за спиной, когда я глядел на останки пожарища, на кости, торчащие из пепелища. Её голос прозвучал негромко, но чётко, перекрывая шорох рассыпаемых по двору углей работяг.

– Каким? – Закрыв глаза, я выдохнул. Спокойно. Перед глазами ещё плясали оранжевые блики, но в уме наконец воцарилась тишина. Не та благословенная тишина покоя, а тяжёлая, густая, как мгла, отгородившая от представления уродства искореженного человеческого тела, сгоравшего в огне заживо.

– Озлобленным, – ответила та, что без тени сомнения ре-

зала глотки раненым, драла зубы из человеческих голов, словно цветочки собирала, при этом умудряясь обучать этому ремеслу молодого парня. Странный тут не я. Не я изменился. Не я... или же... Может, это и есть настоящий я? Тот, кого мир выковал из задрота-попаданца – не в героя, а в это. В существо, которое может холодно наблюдать за казнью и чувствовать лишь удовлетворение от хорошо выполненной работы.

– Я могу и готов оправдать даже убийцу, – кулаки сжались, гнев переполнял от воспоминаний истории жабы, от планов этой мёртвой мрази, – кого угодно можно оправдать. Но не предателя. Не ту мерзость, что прикрывается улыбкой друга. Что решила Сельвана? Милиса пока ещё не готова. Лорд сейчас должна быть в ярости, должна протрезветь к утру. Иначе зачем она вообще нужна?

– Должна, – одобрительно кивнула эльфийка, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на усталое понимание. Она смотрела не на пепелище, а куда-то в сторону крепостных стен, за которыми слышался сдавленный рокот толпы. – Она сломалась, Антилох. Это глаза не правителя, а затравленного зверя, который потерял своё логово и щенят. Инквизиторша грозит взять командование крепостью и гарнизоном на себя. Плевать, что будет с лисой. Мы выступаем завтра, с рассветом, двумя группами. Сначала разберёмся с теми, кто ждёт в засаде, а после, через болота, попытаемся окружить и поймать их командира.

– Кастодий, так его звали? – спросил я, не отводя взгляда от углей. Это имя – Кастодий – было похоже на скрип ржавых петель. Эльфийка угукнула. – Я пойду с вами, Эрлина. Я обязан пойти. Чувствую это. Внутри всё кипит, требует...

– Кто требует? – Положив руку мне на спину, нервно спрашивает ушастая. Её пальцы легли точно между лопаток, будто пытаюсь нащупать не мышцы, а что-то иное, что могло шевелиться под кожей. «Кто?» С этой мыслью волна гнева отступила, сознанию вернулась прошлая лёгкость и ясность. В голове повторился её вопрос, ощутил мысль, будто я самостоятельно собирался схлестнуться с этим уродом, оторвать ему голову, вырвать сердце. Не как тактик. Не как капитан «Гнилой Шестёрки». А как... нечто иное. Древнее. Голодное.

Меня колотнуло. Ощувив на языке солёность крови – я прикусил губу, – вздрогнул, так и ничего не ответив, ушёл в сторону стен. Со мной явно что-то не так. Но что именно – разбираться с мыслями тяжелее, чем открытый бой с тем, кто явно сильнее тебя. Эта чужая ярость, это холодное, всепоглощающее желание убивать... оно начинало казаться правильным, холодило мою кровь, и я ничего не мог с этим поделать.

Ночь перед выходом не была спокойной. Лесная Гавань не спала – она затаила дыхание, точила клинки. Из открытых окон домов, пропахших дымом, влажным деревом и страхом, доносился не плач, а сдавленное бормотание, прерыва-

емое резким скрежетом стали о камень. Точили. Точили всё: косы, переделанные под алебарды, старые, передаваемые по наследству мечи, охотничьи ножи, наконечники стрел. Каждый скрежет был словно обещание: «Я отомщу».

На площади, у потухшего костра, где несколько часов назад кричал предатель, теперь стояли группами. Не толпой – а именно группами, по семьям, по цехам, по улицам, где все друг друга знали. Они не говорили о тактике или шансах. Они перечисляли имена, как заклинание, как молитву, что будет способствовать их мести. Хриплый голос старика: «Марта, дочь моя... с ребёнком ушла в болота». Женский шёпот, полный невыплаканных слёз: «Братья... оба мальчишки совсем... не вернулись». Молодой парень, лицо которого было искажено не горем, а чистой, неразбавленной ненавистью: «Они Таську... на глазах у всех...» Фразы обрывались, но все и так понимали. Понимали и сжимали кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Месть здесь не была благородным порывом или долгом чести. Она стала биологическим императивом. Единственным способом не сойти с ума...

Рассвет пришёл серый и мокрый, будто небо просочилось сквозь сито и теперь висело над землёй холодной, влажной пеленой. Первый отряд – тридцать человек, рабочий многофункциональный коллектив со сложной тактикой, с стоящей во главе инквизиторшей. Закастневший отряд, не лучших, не самых отчаянных, а тех, кого не жалко было потерять. Мы

сыграем роль главной группы, собрав в себе все сливки, чтобы враг из чащи следил именно за нами, готовился встречать именно нас.

Ночью Кая, вернувшись, как призрак, доложила: кроме нескольких патрулей наг, нашлась группа дозорных – людей. Профессионалов. Они ждали нашего выхода, имелись как лошади, так и отряды для связи. А значит, они на шаг впереди, на километры ближе к своим, а те, в свою очередь, уже при нашем выходе имеют стратегическое преимущество как в скорости реагирования, так и в позиции обороняющихся, тех, кому не требовалось наступать по кишасим чудовищами лесам. Не разузнай мы о них, подошли бы перепуганными с обосранными штанами в первой же засаде. Но ключевое здесь – «если бы мы не знали, а мы знаем».

Едва тяжёлые ворота Лесной Гавани со скрипом затворились за нами, Кая, растворившаяся в предрассветных сумерках, подала сигнал – подражая крику болотной совы. Разведчики разделились. Один побежал с вестью в сторону предполагаемой засады. Другие остались следить.

Наш план был прост, как удар топора, и так же рискован, как неконтролируемое падение дерева. Мы – яркая, шумная мишень. Мы идём медленно, нарочито неосторожно, по самому очевидному пути. Мы позволяем лазутчикам сесть на хвост. А потом, в условленном месте, Кая и те, кого она успеет привести из второй группы, уберут хвост. Бесшумно. Как школьник бритвой пытается стереть в дневни-

ке плохую оценку. После этого вторая группа – настоящая мощь, сплошь инквизиторы и ветераны, ведомые проводниками-жабами, – выйдет позже и пойдёт не за нами, а в обход, по тайным тропам, известным только коренным обитателям трясин. Длинный путь. Путь через самые топи, чтобы вынырнуть у врага за спиной в самый нужный момент. К счастью, помимо основного войска, опомнившись, придя в себя, к нам присоединилась сама Милиса. Она была готова убивать, и это не могло не радовать.

Как и запланировано, мы шли впереди, широко, медленно. Земля под ногами быстро теряла твёрдость. Влажный воздух обволакивал лицо, заставляя дышать чаще, покрывая испариной лицо, а оружие – лёгкой пеленой влаги. Сладковатый, тяжёлый, густой запах гниения и сырости болота разлился вместе с рекой, растаскивая по округе гниющие трупы убитой нечисти. Они лежали перед нами как ориентиры, как следы просочившихся во все стороны ручьёв.

Земля поглощала обувь, слои всасывающей в себя грязи пожирали сапоги, заталкивая и проталкивая в них застоявшуюся воду. А ведь помимо неё был ещё и другой враг. Змеи, пиявки, ебучие насекомые в виде огромных комаров, а с ними – туман. Туман стелился по чёрной, словно дёготь, воде, цепляясь за коряги, которые в полумгле обретали зловещие очертания: сгорбленные старухи, скелеты с раскинутыми руками, когтистые лапы, полумрак игрался с моим сознанием.

В далёких, отдельно заплывших с потопом, застоявшихся лужах вода местами была покрыта плотным, маслянистым ковром из ряски, у кромки плескалась розоватая, пузырящаяся пена. Эрлина говорила – там гнили растения и, если принюхаться, пахло чем-то более резким, чем просто тина. С растениями под водой гнили и трупы.

Воздух был наполнен зловонием и тишиной. Но не мирной, не благословенной, сулящей лёгкую прогулку. Это была звенящая, напряжённая до предела тишина засады. Тишина, в которой каждый звук – хлюпанье сапога в грязи, отдалённый всплеск, шелест куста – отдавался в висках глухим ударом. Здесь не было места героическим речам. Здесь требовался тот, кто тише дышал, чьи глаза видели обман в игре света и тени на воде, чьи уши слышали ложь в естественных звуках болота и старого леса.

Я шёл, и этот пейзаж вдавливался в сознание не ужасающей красотой болот, а абсолютной, первобытной чуждостью моего пребывания здесь. Это был не наш мир. Это было царство наг, жаб, пиявок и гнили. И мы, люди, эльфы, зверолоуды, вторглись в него. Нашими союзниками здесь были лишь ярость, холодная ненависть да несколько жаб-проводников. И, сука, шли жабы не впереди отряда, а по бокам, их приземистые фигуры почти сливались с рельефом.

Я окинул взглядом своих. Тайгрис шла, чуть выставив вперёд могучее плечо, большой щит. Её тигриный хвост был полностью расслаблен, волокся по грязи, иногда чуть подёр-

гивался, уклоняясь от чужих ног. Наш танк была как сжатая пружина, готовая распрямиться в смертоносном, быстром броске. Эрлина, наши глаза, так же была максимально сосредоточена – ни камуфляжа, ни особой брони, волосы распущены так, чтобы враг точно понял, кто перед ним, понял, что козырь, цель, которую они преследуют, была на виду. Эльфийка непрерывно сканировала местность, вычисляя углы, дистанции, возможные укрытия. Деструксия... Почему-то не уступив место зрячей Ирме, сжимала свой посох так, что, казалось, дерево вот-вот треснет. На её обычно дерзком лице застыла неизвестная мне гримаса, почти болезненная серьёзность.

Кая работала отдельно. И при этом её присутствие вполне ощущалось. Сложно описать, но я чувствовал её рядом, как лёгкое тепло, исходящее от дышащего тебе в лицо невидимого человека. Убийца работала как полагается убийце, чего не сказать о саппорте, самом громком человеке во всём нашем отряде. Алисия, самая юная, старалась делать всё как учили. Дышать ровно, идти и ступать уверенно, след в след, но её широко раскрытые глаза выдавали внутренний ужас, а покачивания, частые падения и создаваемые всплески, расходившиеся по грязи, демаскировали весь отряд. Она не просто шла через болото – она шла сквозь самую гущу собственных страхов и понимания: она станет той, кто может нас всех похоронить! Девка пребывала в тихом ужасе, молчаливо, взглядом извинялась за каждое падение, толком и не осо-

зная, что на это и был расчёт. Враг должен знать, что мы идём, что приближаемся, и он уверен в том, где нас встретить. А то, что она не знала этого, лишь шло на руку. Её неуклюжесть – одна из наживок, заброшенных под пасть самоуверенного хищника.

Вскоре послышалось знакомое угуканье, затем, через время, чириканье птички чуть спереди, от чего на лице вечно серьёзной Эрлины проступила улыбка. Чуть подотстав, она тихо шепчет мне на ухо:

– Кастодий точно узнает об идущем к нему отряде. Группа разведчиков, что позади нас, убита, никто не сбежал. Кая продолжает преследовать посыльных, жабы с Милисой, как и планировалось, уходят на крюк, а нам пора становиться на привал. – Это был похоронный марш, исполненный пересмешниками-северянами и Каей. Красиво пели птички спереди и с фланга, пели по тем, кто думал, что север сломен. Ха-ха-ха.

Отряд встал на привал, начал укрепление лагеря. Ночь прошла быстро, я спал как ребёнок, и с утра с новой песней до нас донесли следующее:

Впереди засада. Номер один по приоритету – Кастодий со своими паладинами, а также несколько трупов возвращавшихся на позиции разведчиков и Кая, что воссоединилась с нами на самых подступах к месту, где всё решится. Впереди нас всех ждало испытание на прочность – для наших тел, для нашего духа, для той древней, голодной сущности, что дре-

мала во мне, прислушиваясь к моим решениям, подслушивала мои мысли. Уроборос, извергающееся из его пасти морозное пламя предвещало скорую встречу, битву, которую дракон внутри ждал ничуть не меньше меня.

Дурной знак. И предчувствие у меня скверное. Задом чувствую, что-то здесь не так!

Глава 5

Не туман, не полусумрак не способны скрыть от опытного командира факт того, что его засада обнаружена, а враг готов к встрече ничуть не меньше его самого. Отряд инквизиторов и мой отряд встретились на узкой болотной кромке, меж луж, двух разлившихся болот, на длинной, петляющей тропе, где местами, пройти вширь могла лишь группа числом не более чем из трёх. По бокам не спрятаться от лучников, вокруг – утопии, разложившиеся да попрятавшиеся под поднявшимися водами завалы старых деревьев. Тропа идеально просматривается, легко блокируется, те, кто впереди, в одинаково выгодных условиях с теми, кто позади, ещё не ступил на неё. Кастодий ждал от нас первого шага и попытался выманить, приказав своим бойцам вывести вперёд пленников.

«Спасите их, если кишка не тонка!» – поставив пятерых крестьян на колени, одному за другим инквизиторы принялись резать глотки. Первый пал сразу, как только стал на колени. Под мольбы второго вперёд рванула Эрлина, пустила стрелу и тут же едва не попала под встречный выстрел церковного снайпера. Её прикрыл воздушный барьер Ирмы, и в итоге тот выродок-инквизитор зарезал ещё двоих, а тех, что вырвались вперёд, пристрелили его дружки. Провокация почти не удалась, оба отряда остались при своих позициях, продемонстрировав готовность к отражению самых разнообраз-

разных атак, исходящих от врага.

– Именем старшего инквизитора, я, Сельвана...

– Ты грязная сука, недостойная звания инквизитора, покрывающая полудемонов, и ты сдохнешь вместе с ними! – отчётливо дав понять, что знают, против кого выступили, отвечают Чёрные паладины. Сельвана в бешенстве, словесно что-то пытается доказать, но с той стороны вышедший в нашу сторону мужик снимает штаны, трясёт своим слишком мелким, чтобы рассмотреть, членом, крича о том, для чего нужен рот старшего инквизитора Сельваны. Как я и предполагал, слова, титулы там, где никто не видит, там, где нет всесильного, следящего за всем органа правопорядка, – бессильны. Тут справедливость, правота за тем, кто последний останется на ногах, умудрившись сохранить жизнь.

Выйдя вперёд, ровно под щит Тайгрис, я крикнул «смелчаку, что на словах ебал Сельвану»:

– Именно так принимают в Чёрные паладины? Вы все сосали Кастодию, ёбанные педики!?

Ох, блять, как там всё зашабурило, забурлило! Я, блять, не видел их, растворившихся в засадах, но слышал ругань приоткрывшую их положения.

– Молодец, Антилох. – Приподняв щит, сделала ко мне полшага Тайгрис. – Ванадис, точно это поможет подсчитать врагов.

Бля, фига! Это не только мне морально помогло, но и физическую пользу оказало, ха! Я так несколько часов продол-

жать могу.

– Эй, ты, пиздабол, что должен был засохнуть на мамкином анусе, сколько хуёв тебе пришлось пересосать, чтобы говорить от имени педофила Кастодия?! Говорят, что он любит исключительно мальчиков помладше, что у него горем!

– Сукин ты сын, это не правда! – Хуесос обозлился, сделал лишний шаг вперёд, и Эрлина, занимавшаяся зачарованием стрелы, готовившаяся, ждавшая, тут же улучив момент, пустила её. Для преодоления дистанции снаряду, напитанному маной, понадобилось в разы меньше времени. Хуесоса ждала смерть, но аура, барьер, возникшая прямо перед его носом, цветом пустынно-сухим, поймала её. Из-за стволов старых, косых деревьев показался всадник в чёрных доспехах, с чёрным шлемом и хвостом, таким же, как его душа, – чёрным, вырывавшимся из шлема.

– Твой язык остр, Антилох, но что насчёт меча? – Поравнявшись с испуганным прислужником, говорил он голосом взрослого, почти не отличимого от адекватного мужчины, человека средних лет. Он был весь в чёрном, этаким чёрный рыцарь, аура которого совершенно не отличалась от ауры простого человека. Он ли это? Кинув ещё пару громких заявлений о том, кто мать Кастодия, как я с ней развлекался и что бы сделал при новой встрече, ловлю лютую ненависть, ругань с той стороны и полное молчание от самого инквизитора-рыцаря. Он слушал, наверняка запоминал и был молчалив, терпелив, понимая, что мы просто обмениваемся про-

вокациями. Слова его подопечных, что были связаны с убийствами, зацепили моих людей, меня в том числе, а мои – задели уязвлённую гордость его уродцев, при этом не достигнув ледяного сердца выродка. Хорошо, что здесь нет Милисы, иначе нас бы уже добивали на этой ебучей, узкой болотной тропе.

– Тебе совсем не жаль этих несчастных? Ещё бы, ты ведь такое же чудовище, как и все они... – Указав мечом на трупы с перерезанными глотками, крикнул мне Кастодий.

– Твои сосуночки резали им глотки, не я! – Окончательно поставив точку в словесном споре, в том, что нас не выманить на косу, добавляю: – Пидорасы вроде тебя только и способны винить других во вселенских бедах. Признайся, Кастодий, у тебя просто нет яиц, и сам ты – ничтожество, что, имея численное превосходство, боишься женщин и мальчишки, что прячется у них под юбкой. – После своего высказывания подзываю Алисию – хз зачем, думал, что не понадобится, но я кое-что припас как раз для такой встречи. Девчонка передаёт мне сломанный клинок. – Кастодий, ты выглядишь как обсосок, как нищий, слабый, завистливый хуесос, не сумевший добиться того, чего достигла уважаемая Сельвана. Твой член короче этого сломанного меча! – Я поднял обрубок, а после со всего плеча швырнул его на тропу, так, что тот, крутанувшись в воздухе, вонзился в землю. – Возьми, тебе и твоим нищим, немощным уродцам, способным воевать только с детьми, он непременно понадобится!

Я не видел его лица, но заметил, как вперёд наклонился силуэт, как приподнялись руки, будто тот готовился отправить лошадь в галоп по болоту. Давай, сука, докажи всем и себе, что ты ахуенный перец, пустишься вперёд!..

Кастодий, замерев на секунду, дёрнул поводья в сторону, развернул коня на сто восемьдесят и через плечо, поглядев на меня, молча увёл того назад, за ряды своих ублюдков. Не получилось, как я и предполагал. Хе-хе, трусливый хуесос, ты думаешь, что, сбегая сейчас, поступаешь мудро? Напротив, я должен сказать тебе спасибо. Ведь бегством своим ты лишь улучшил наше положение, дав возможность дождаться помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.